

О. В. Бочкарёва

**Осмысление полилога «природа – человек – культура»
в музыкально-художественном творчестве**

Автор раскрывает особенности диалога с природой и культурой. Композитор, создавая музыкальное произведение, гармонизирует внешний и внутренний мир. В статье приводятся примеры, анализируются музыкальные произведения, отражающие тему исследования.

Ключевые слова: диалог, диалогическое отношение, музыкально-художественное творчество, образ природы в музыкальном искусстве, эмоция восхищения.

O. V. Bochkariova

Understanding of Polylogue "Nature – Man – Culture" in Musical and Artistic Creativity

The author reveals the features of the dialogue with nature and culture. A composer creating music harmonizes the outer and inner world. The article gives examples, analyzes musical works reflecting the theme of the research.

Keywords: a dialogue, dialogical relationship, musical and artistic creativity, image of nature in music, the emotion of admiration.

Актуальность осмысления диалогического отношения «природа – человек – культура» обусловлена наличием серьезных экологических проблем, перед которыми встало человечество. Глобальная экологическая катастрофа, перед угрозой которой сегодня оказался мир, по мнению авторитетных ученых, состоит не столько в поиске новых технологий, сколько в изменении мировоззрения человека, его ценностных ориентаций и мотивации, нацеленной на диалог с природой окружающей и собственной природой – природой личностного «я». Все чаще употребляется выражение «экология души» для описания состояния внешнего и внутреннего равновесия с природой. Отходит в прошлое крылатая фраза «человек – царь природы», утрачивает свою значимость позиция «над», человек пытается взаимодействовать, а не подчинять ее своей воле.

Выдвижение на первый план диалогического отношения «природа – человек – культура» ставит в центр внимания позицию личности, ответственной за свою судьбу и судьбу мира. Формирование диалогической позиции личности связано с возвращением своих сущностных сил, поиском своего «я», обретением цельности и гармоничности своего существования. Человек осознает свое конечное существование. Осознание этого, в свою очередь, рождает стремление личности к диалогу с Другим, с бесконечным (при-

родой, культурой), бытие которых представляется человеку истинным. Но это обращение не может быть нейтральным – это заинтересованное отношение, это стремление увидеть себя в бесконечном, понять свою истинную природу, свое «другое я», «лучшее я», превосходящее «я – реальное» в диалоге с Другим. Об этом рассуждал М. П. Пришвин: «Лицо природы – все эти видимые солнца и звезды, поверхность вод и земли подозрительны тем, что их прекрасное лицо всегда обращено к лицу человека, и, восторгаясь лицом природы, спрашиваешь себя: не любишь ли ты лицом самого человека, отраженном в этих водах, и звездах, и огне, и ручьях, и цветах?. Человек, любующийся природой, не Нарцисс, а “гадкий утенок”», впервые, благодаря природе, понимающий в себе лебедя» [5, с. 512–513].

Непосредственное видение естества, осмысление гармонии и совершенства природы нацеливает человека на истинный путь, на близкое созвучие с природой. Но, наблюдая за природой, улавливая свои лучшие черты в мире естества, он убеждается в том, что в «природе нет ничего такого, чего нет в человеке. Но в человеке, в личности есть нечто, не существующее в природе» [5, с. 578]. Так что же это нечто? Это то, что сотворено человеком, это то, что обладает неприродным характером, это искусственно созданное бытие культуры. Образы природы встречаются в

большом количестве в самых разнообразных текстах культуры, в том числе и музыкальных. Не случайно, отвечая на вопрос «что такое музыка?», С. В. Рахманинов приводит ассоциации с природой:

*Что такое музыка?!
 Это тихая лунная ночь,
 Это шелест живых листьев,
 Это отдаленный вечерний звон;
 Это то, что рождается от сердца
 И идет к сердцу;
 Это любовь!
 Сестра музыки это поэзия,
 А мать ее – грусть [6].*

Образы природы, воплощенные в художественных произведениях – это не слепок природы, а видение человека, воплощение его отношения к природе. Антропоморфизация природы, наделение ее человеческими чертами, мыслями и чувствами – неотъемлемые качества, присущие образу природы в художественных текстах. Создавая художественные произведения, воплощающие образ природы, придавая ей свои черты, человек делает свое существование более гармоничным, устойчивым, истинным, создает вокруг себя мир красоты.

*Звонкой песней лето я зову,
 Окликаю эхом синеву,
 Пью с кувшинки мяскую росу,
 Разбежусь, и всех на свете обниму.*

О. Бочкарёва

Эмоция восхищения, любования, чувство всеобщей любви предшествует ассоциативному самовыражению в творческом процессе, будит фантазию и воображение. Что привлекает человека, когда он видит красоту природы: бескрайние просторы колосающейся пшеницы или бирюзово-розовый восход в горах, загадочный в своей тишине лес или набежавшие гребешки морской волны, уходящая в бесконечность дорога или удивленный взгляд ромашки? Восхищаясь природой, человек «забывает» сам себя, он остается наедине с вечностью. Не случайно, одна из картин И. Левитана так и названа – «Над вечным покоем». Эта мысль – «меня не будет, а все вокруг останется» – изменяет ход времени, позволяет испытать эмоцию восхищения как преодоления конечности. «Я понимаю, что конечен, природа – бесконечна, но в диалоге с ней, сливаясь с ней, я становлюсь бесконечным», – размышляет человек. Восхищение – это эмоция, на-

сыщенная позитивной энергией удивления тому, что многократно «превышает» меня. «Восхищение» – этимология слова подчеркивает значимость («вос», «во») чего-либо, что похищает мою самость («хищение»), со мною несопоставимо. Восхищенный взгляд на природу рождает ощущение окрыленности. «Прирастание крыльев», парение связывается с идеей бесконечного пространства, бесконечной свободы. Эта эмоция с большой убедительностью и мастерством передана в картине А. А. Рылова «В голубом просторе». Глядя на эту картину, испытываешь восторг, удивляясь совершенству соответствия выбранной идеи и ее воплощения. Художник так смог вызвать эмоцию сопричастности, «вос-торга», это выше меры, чтобы спорить, торговаться, это многократно превышает меру «я», это близко к идеалу, к абсолюту.

Мир природы и искусства развивает в человеке способность измерять собственное бытие в соотношении с масштабами бесконечности. Многие художники испытали это прекрасное чувство. Так, П. И. Чайковский писал: «Только в одиночестве и на лоне симпатичной природы можно испытать минуты действительного счастья. Даже искусство не может дать тех моментов экстатического восторга, которые дает природа... Была минута час тому назад, когда я среди прилегающего к саду поля пшеницы был так подавлен восторгом, что пал на колени и благодарил бога за всю глубину испытанного блаженства» [7, с. 89]. Чувство восхищения глубоко диалогично, это «способность отрывать нас от нас самих, от мысли исключительно о себе, что проявляется в способности признавать за Другим его не только относительное, но и абсолютное превосходство» [3, с. 39].

Наиболее ярко чувство восхищения перед природной красотой запечатлел Н. А. Римский-Корсаков в каватине Берендея «Полна, полна чудес могучая природа...». Оцепенение, восторг перед неземной красотой Снегурочки рождается из чувства некоего таинства запредельного мира. Чувство восхищения, переданное Римским-Корсаковым в этой арии, по своей сути глубоко этично, это любование Снегурочкой не что иное, как пребывание «я» в лучах «Другого». Однако, показывая образ Снегурочки в развитии, Н. А. Римский-Корсаков преодолевает ее амбивалентное состояние, тот разлад с собой, который она испытывает: она красива природной красотой, но обделена душевным теплом, душевной красотой, способностью любить. В начале опе-

ры – это холодная девочка, дикарка, которая стонет людей, в конце оперы – это глубоко чувствующая натура. Восхищает и поступок Снегурочки: она знает, что растает с первыми лучами Солнца, погибнет, но просит у матери Весны сердечного тепла, чтобы испытать чувство любви. Важно, что, разрешая проблему межличностного «я», диалог «внешнее» – «внутреннее», композитор подчеркивает добровольный, просветленный характер данного поступка. Именно в этот момент Снегурочка на мгновение превращается в истинно русскую героиню, которая ради любви жертвует собой. Яркие лучи солнца в сцене таяния сродни страстной, порывистой душе, которая близка героиням русской литературы: Татьяне, Катерине, Соне, Настасье, Наташе... Диалогическое отношение имеет символическую природу, ибо только человеку дана способность находить в ней сходные с собой черты. Так, одухотворенный взгляд на природу в корне отличен от взгляда натуралиста. Взгляд художника – это особый взгляд, взгляд любовный, рождающий бесконечную цепь ассоциаций, воплощаемых в образе-символе, в установлении диалогических взаимосвязей между миром природы и миром человека.

*Зеленая прическа, девическая грудь,
Что, тонкая березка, ты загляделась в пруд?
Что шепчет тебе ветер, о чем звенит песок?
Иль хочешь в косы – ветви ты лунный гребешок?..*
С. Есенин

«Береза – это русская мистика белизны, неяркой и крапчатой, как бы замутненной и застенчивой, как солнце-дева, а не жена, береза, а не роза... Это дерево, источающее свет, так же любимо в России, как свет земли и свет металла – снег и серебро... В березе есть сочетание той прямоты (ствола) и опущенности (кроны), которое создает образ строгости и смирения, гордого сердца и потупленной головы, характерной для осанки и духовного сложения русской женщины...» [4, с. 374].

Направленность на диалог, стремление воплотить ранее испытанное чувство единения с природой позволяет художнику ощутить родство, чувство «мы», рождаемое от слияния с ней. Первоначально это чувство М. Пришвин называл «родственным вниманием», но, поняв, что это словосочетание «таит за собой нечто его определяющее и направляющее», обозначил новым словом «празднолюбие». «Это особое состояние духа... Так и Космос, наверное, создавал Творец, как величайший праздник в едином ритме... Все

наше природоведение основано на замене ритма метром, и творчество праздника Космоса понято как эволюция видов от низшего к высшему. А мы за то и художники, что чувствуем в природе ритм первичного творчества. Праздника Космоса, мы художники, потому что мы участники того великого Божественного Пира» [5, с. 432]. Пребывание в ритме возвышающего личность праздника в атмосфере приподнятости, отлета над действительностью вдохновляет на создание (воссоздание) совершенного, истинного, красивого, вовлекает эмоции, интеллект, сознание творца в смыслообразующее поле, а от него к художественному образу, где таится догадка о глубинной сущности мира человека и мира природы.

*Сиреневые сумерки так ярко
Вдруг отразились в утренней росе,
И россыпь изумрудов зазеленела
Во всей небесной красоте.*

*И я, поддавшись их очарованью,
Не в силах отвести свой взгляд,
Заворожен был неземным сияньем.
То Бог-судья, как я был рад.*

*Так опьянен и счастлив был
В мельчайшем лике мирозданья
Увидеть суть, что бабочкой зеркальной смотрела
В начало завтрашнего дня.*

О. Бочкарева

Специфика воплощения «образа природы» в музыке неразрывно связана с идеей ритма, сущностью движения, идеей развития. В музыке как звуковременном искусстве не только представлены все основные типы движения: восхождение, нисхождение, качание, колебание, вращение, волна и др.), но и выражена его сущность – движение как основа жизни природы, человека, Вселенной. «В музыке постигается сущность движения: во всех бесконечных мирах эта сущность одна и та же. Музыкой выражается единство, связующее эти миры, бывшие, сущие и имеющие существовать в будущем... В музыке наиболее удачно выражаются эти волнения вечности» [1, с. 149].

Что является побудительной силой творчества? Почему настоящий художник испытывает постоянную жажду создания нового? Где находится живительный источник создания шедевра? Часто сами композиторы отвечали на эти вопросы. Так, в интервью обозревателю "The Musical Observer" К. Б. Роу на вопрос об источниках творчества С. В. Рахманинов ответил так: «Очень

трудно анализировать источник, вдохновляющий творчество. Так много факторов действуют здесь сообща. И, конечно, любовь, любовь – никогда не ослабевающий источник вдохновения: она вдохновляет как ничто другое... Помогает творчеству красота и величие природы. Меня очень вдохновляет поэзия... Поэзия очень вдохновляет музыку, ибо в самой поэзии много музыки... Красивая женщина, конечно, источник вечного вдохновения... Настоящее вдохновение должно приходиться изнутри. Если нет ничего внутри, ничего извне не поможет. Ни лучший поэтический шедевр, ни величайшее творение живописи, ни величественность природы не смогут породить мало мальского результата, если божественная искра творческого дара не горит внутри художника [6]. Природу творчества С. В. Рахманинов рассматривал в единстве внешнего и внутреннего, отдавая предпочтение внутренней силе, которая не позволяет творцу остановиться. Это прозрение он трактует как совершенное видение мира, природы, внутренней природы «я». На этом внутреннем «я» лежит отблеск всех тех впечатлений, которые хранит память художника в течение всей жизни, от детских смутных воспоминаний до отчетливых образов зрелой жизни творца.

Каждый художник имеет свою малую родину, это то место, где он родился, где встречал рассветы и провожал закаты, где слышал народные напевы. Так постепенно «при-родное» вбирало в себя «на-родное», связанное с национальными особенностями, расширяясь до понятия «большая родина» – Отечество, как любовь к традициям, истории, культуре родной страны. Но историю страны невозможно понять, замыкаясь в единой сущности. Так зарождается интерес к культуре и быту других стран, возникает феномен сравнения. Так, любовь к Отечеству перерастает в любовь ко всему миру – «всемирную отзывчивость». Но существует у художника «неизвестная Родина» (И. Земцовский), которую никто никогда не видел, о которой смутно догадывается сам творец. Эта «неизвестная Родина» – неизвестная территория души и ума художника, которая обретается в течение всей жизни, но поиск ее не завершается даже с созданием шедевра. Это вечный двигатель – *regretum mobile*, который не дает успокоиться, а толкает все время вперед, к освоению новых вершин, как еще одна новая ступень к Парнасу. Композитор изнутри слышит гармонию Космоса и пытается привлечь внимание слушателей к воплощенным в звуке законам мироздания – Красоте, Истине, Добру.

Б. Л. Яворский, размышляя об этом, писал, что композиторам дана «способность простирается своей творческой антенной в недоступные простым смертным высоты мелосферы и оттуда черпать и там воссоздавать формы, присущие жизненным явлениям, но не бывшие до того ни у кого из художников» [8, с. 34]. Стремление к творчеству как поиску идеального в мире сопровождается направленностью на желание высказаться, на возможность установления диалога с другими людьми. Поиск ответов на вопросы, которые задает жизнь (Кто я такой? Почему я такой? Что такое жизнь? Какова цель искусства? Каким видят меня другие люди?), рождает стремление к творчеству, к самореализации.

*Все видеть, все понять, все знать, все пережить,
Все формы, все цвета вобрать глазами,
Пройти по всей земле горящими ступнями,
Все воспринять и снова воплотить...*

М. Волошин «Сквозь сеть алмазную зазеленел восток...»

Благодаря вопрошанию человек способен к поиску своего уникального места в мире, предназначенного исключительно для него. Он находит для себя точку опоры, дело смысла всей своей жизни. Только человек, обретающий себя в культуре, способен «прорасти» в бытии, ответить на гамлетовский вопрос: «Быть или не быть?», услышать призыв бытия – призвание, быть призванным и признанным. Раскрытие личностного потенциала художника связано со стремлением к диалогу – потребностью что-то рассказать людям, поделиться сокровенным.

Таким образом, выражая себя через «волнения вечности», воплощая идею красоты, гармонии, истины, творец изменяет свой образ, преобразует свое «я», вносит новые оттенки прекрасного в свою жизнь, становится другим. От восхищения природной красотой к художественному творчеству и от него к творчеству жизни – таков диалектический характер выстраивания личностью своего истинного пути, соотносящегося с законами красоты. Система отношений «природа – человек – культура» воплощается композитором на основе создания художественных образов через обобщение единства рационального и эмоционального, уникального и типического. Важно отметить, что в этой системе интонационно-звукового обобщения находит выражение ценность диалога, ценность диалогических отношений как онтологической сущности бытия [2].

Библиографический список

1. Белый, А. Символизм как миропонимание [Текст] / А. Белый // Русская литература рубежа веков (1890 – нач. 1920) / отв. ред. В. А. Келдыш [Текст] / А. Белый. – М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. – 768 с.
2. Бочкарева, О. В. Этико-эстетическая направленность художественного диалога в педагогическом образовании [Текст] / О. В. Бочкарева // Искусство и образование. – 2006. – № 6. – С. 49–69.
3. Марсель, Г. Опыт конкретной философии [Текст] / Г. Марсель. – М.: Республика, 2004. – 224 с.
4. Парин, А. В. Хождение в невидимый град: парадигмы русской классической оперы [Текст] / А. В. Парин. – М.: Аграф, 1999. – 464 с.
5. Пришвин, М. М. Дневники 1942–1943 [Текст] / подг. текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой, Л. А. Рязановой ; М. М. Пришвин. – М.: РОССПЭН, 2012. – 813 с.
6. Сатина, С. А. С. В. Рахманинов. К 25-летию со дня кончины [Текст] / С. А. Сатина // Новый журнал. – Кн. 91. Нью-Йорк, 1968. – С. 115–128.
7. Чайковский П. И. Человек. Событие. Время [Текст] / сост. текста Г. Прибегина. – М.: Музыка, 1984. – 205 с.
8. Яворский, Б. Л. Воспоминания, статьи, письма [Текст] / Б. Л. Яворский ; ред. И. Рабинович, общ. ред. Д. Шостакович. – М., 1964. – Т. 1. – С. 539.

Bibliograficheskiy spisok

1. Belyj, A. Simvolizm kak miroponimanie. po kn. Russkaya literatura rubezha vekov (1890 – nach. 1920) / otv. red. V. A. Keldysh [Tekst] / A. Belyj. – M.: IMLI RAN, Nasledie, 2001. – 768 s.
2. Bochkareva, O. V. EHtiko-ehsteticheskaya napravlen-nost' khudozhestvennogo dialoga v pedagogicheskom ob-razovanii [Tekst] / O. V. Bochkareva // Iskusstvo i obrazovanie. – 2006. – № 6. – S. 49–69.
3. Marsel', G. Opyt konkretnoj filosofii [Tekst] / G. Marsel'. – M.: Respublika, 2004. – 224 s.
4. Parin, A. V. KHozhdenie v nevidimyj grad: para-digmy russkoj klassicheskoy opery [Tekst] / A. V. Parin. – M.: Agraf, 1999. – 464 s.
5. Prishvin, M. M. Dnevniki 1942–1943 [Tekst] / podg. teksta YA. Z. Grishinoj, A. V. Kiselevoj, L. A. Ry-azanovoj ; M. M. Prishvin. – M.: ROSSPEHN, 2012. – 813 s.
6. Satina, S. A. S. V. Rakhmaninov. K 25-letiyu so dnya konchiny [Tekst] / S. A. Satina // Novyj zhurnal. – Kn. 91. N'yu-Jork, 1968. – S. 115–128.
7. SHajkovskij, P. I. SHelovek. Sobytie. Vremya [Tekst] / sost. teksta G. Pribegina. – M.: Muzyka, 1984. – 205 s.
8. YAvorskij, B. L. Vospominaniya, stat'i, pis'ma [Tekst] / B. L. YAvorskij ; red. I. Rabinovich, obshh. red. D. SHostakovich. – M., 1964. – T. 1. – S. 539.